

А.Макарова

Норильское восстание. Май - август 1953 года.

Из тьмы встает свободная держава.

Огни Норильска не погаснут в ней!

(из "Гимна норильских заключенных")

События лета 1953 года в Горном лагере МВД СССР вошли в историю под названием "Норильское восстание". Мы сознаем неточность этого термина - восставшие не имели оружия, более того, добровольно отказались от различных попыток вооружить их. Сразу скажем, что нами отвергаются также названия "мятеж", "волынка" и "массовое неповиновение заключенных лагадминистрации" - термины, которыми пользовались суд, прокуратура и лагерная администрация, в соответствии с их желанием видеть в протесте заключенных лишь простой в работе и массовое хулиганство, беспорядок, анархию в брошенных надзирателями зонах.

Смысл и суть норильских событий не исчерпываются и словом "забастовка", хотя основной формой протеста против бесчеловечного режима Горлага летом 1953 года стал отказ заключенных выходить на работу, ибо зародившаяся в зонах ненасильственная оппозиция, вынужденная действовать в рамках советской законности, нашла еще множество (небывалых прежде) форм: митинги и собрания заключенных для выработки общих требований, массовая голодовка, письма, жалобы, заявления, просьбы, обращения в Советское правительство и многое другое, о чем пойдет речь ниже.

Можно сказать, что комитетам восставших, взявшим контроль зоны Горлага, удалось установить максимально демократическое правление, по сути - на короткое время (парадоксально, но факт) создать "республику заключенных".

И хотя термин "восстание" также предложен работниками МВД (во время следствия и суда над руководителями комитетов возникла идея квалифицировать их действия как "антисоветское вооруженное контрреволюционное восстание"), мы остановимся все же на нем, подразумевая не вооруженное выступление заключенных, а его противоположность - "восстание духа" - высшее проявление ненасильственного сопротивления бесчеловечной системе ГУЛАГа.

Предпосылки норильского восстания 1953 г.

К весне 1953 года в Норильске было 35 лаготделений и 14 лагпунктов исправительно-трудового лагеря (ИТЛ), а также 6 отделений Горного лагеря, причем количество заключенных в ИТЛ в 3,5 раза больше, чем в Горлаге. Число узников Горного лагеря, по разным оценкам, было 30-40 тысяч человек.

Если ИТЛ в Норильске существовал, со всеми традициями и постоянно расширяющейся географией, с 1935 года, с первых дней интенсивного строительства Норильского комбината, то Горный лагерь - детище послевоенных лет - был создан в результате реализации в 1948 году проекта Абакумова и Круглова, в соответствии с указаниями Сталина об организации особлагов "для содержания особо опасных государственных

преступников". Тогда и появились на Воркуте - Речлаг, на Колыме - Берлаг, в Тайшете - Озерлаг, в Мордовии - Дубровлаг, в Казахстане - Песчанлаг и Степлаг. С августа 1948 года в Норильске начал свое существование Горлаг.

Предшественником его был каторжный лагерь (как и повсюду в СССР, лагеря каторжан были предшественниками особлагов).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, который не публиковался, был введен особый вид наказания - каторжные работы для фашистских убийц, предателей, пособников оккупантов. Осуждали на каторжные работы сроком от 10 до 20 лет военно-полевые суды. Однако война кончилась, а прерогативу военно-полевых судов взяли на себя Особые Совещания, решения которых никакому обжалованию не подлежали. И попасть в эти жернова могли уже не только полицаи, но и просто инакомыслящие, подозрительные.

К началу 1953 года в Норильске, в составе Горного лагеря, было шесть крупных (3,5 - 6 тысяч) лаготделений. Сильно изменился за эти годы состав лагерного населения: за колючей проволокой оказалось немало солдат и офицеров - участников Великой Отечественной войны, партизан, узников фашистских концлагерей - бывших военнопленных, жителей оккупированных немцами территорий, арестованных нередко "по подозрению" или "за намерение" и названных "изменниками Родины", "пособниками палачей". Смотревшие смерти в глаза, прошедшие через войну, перенесшие голод и множество тягот, они были совсем иным поколением, чем лагерники 30-х годов.

Начало. Агитаторы и провокаторы.

Карагандинский этап

История норильского восстания ставит перед ее исследователями множество вопросов. Первый из них: было ли восстание заранее подготовлено, организовано (лагерными активистами, агитаторами, забастовочными комитетами), скоординировано по срокам или вспыхнуло внезапно, стихийно? Есть еще версия - восстание было спровоцировано, и многие факты подтверждают это. Где же истина?

Попробуем разобраться, помня о том, что участники норильского восстания к моменту начала событий не были однородной массой - хватало сомневающих, равнодушных ко всему, запуганных и подавленных. Считается, что "вирус мятежа", по выражению А.И.Солженицына, привез в Норильск карагандинский этап. В нем были собраны заключенные из Степлага и Песчанлага - особорежимных лагерей близ Караганды и Тайшета, 1200 человек. Среди них - участники лагерных восстаний, стычек с уголовниками, побегов. После подавления в карагандинских лагерях волнений заключенных в 1952 году арестованные и отправленные "для усмирения" в Заполярье, они считали своей задачей "нести дальше факел свободы", как написал один из них - Евгений Степанович Грицьяк. В подготовке и проведении норильского восстания роль карагандинского этапа, безусловно, велика: им удалось изменить сам "климат" Горлага. Естественно, что одни из них (Евгений Грицьяк, Тарас Супрунюк, Иван Воробьев и другие) стали членами забастовочных комитетов, другие - авторами лозунгов, обращений, требований, третьи - участниками переговоров с комиссиями МВД. "Работали" лучше

всякой пропаганды и агитации рассказы прибывших в том же самом 1952 году заключенных Ухтижлага - организаторов и подстрекателей там массовой голодовки, в которую было вовлечено свыше 1000 человек, активных участников групповых беспорядков на строительстве железной дороги Салехард - Игарка, тоже переведенных в Норильск в 1952 году, и заключенных из Омскстроя, где при нападении на лагерную администрацию были убиты надзиратель и офицер-оперативник.

Немалую тяжесть с покорных душ сняла смерть Сталина 5 марта 1953 года. В лагерях с нетерпением ждали ослабления режима, пересмотра дел невинно осужденных. Но амнистию в конце марта дали только уголовникам и заключенным с малыми сроками лишения свободы (а таких в Горлаге было очень мало: 2-3 человека в бригаде). Ожидания политических заключенных оказались обманутыми, и это вызвало разочарование, обиду, гнев, резко ускорило начало восстания.

Поводом послужили убийства лагерников солдатами охраны, стрельба по жилым зонам лагерей, провокации оперативно-чекистских отделов, решивших "организовать" восстание с целью выявления и изоляции активных лагерников. Тогда, в 1953 году, лучше многих других понял это заключенный 1-го лаготделения Иван Стефанович Касилов и сделал вывод: "Ни в одном из лаготделений Горлага заключенные не бастовали по собственной инициативе, а были втянуты в "волынку" при помощи мерзких провокаций и неприкрыто оголтелых террористических актов со стороны работников МВД".

Расстрел 26 мая в 5-м лаготделении стал поводом для начала забастовки. Ни ночная, ни утренняя смена заключенных на работу не вышли. Практически сразу поддержали мужчины женщины из 6-го лаготделения. Ночная смена 26 мая возвратилась в лаготделение и закрыла ворота, не выпустила утреннюю смену из зоны. А узнав о том, что бастующим вдвое уменьшается норма питания, женщины решили объявить общую голодовку: баланду вылили на землю, двери кухни забили досками крест-накрест. Вероятно, решение это было принято опрометчиво: ослабевшие от голода женщины - паек и без того был совсем невелик - во время забастовки лежали на нарах в своих бараках. Выдержать испытание оказалось очень трудно. Голодали женщины 7 дней, по другим воспоминаниям - даже 10 дней.

Норильское восстание началось стихийно и не одновременно. 4-е лаготделение (3,5 тысяч человек) и оставшиеся в оцеплении Горстроя 1,5 тысячи заключенных отказались от работы 25 мая. 5-я и 6-я зоны забастовали в ночь с 26 на 27 мая - после расстрела заключенных в жилой зоне 5-го лаготделения. Что касается 1-го лаготделения, то оно включилось в забастовку лишь во второй половине дня 1 июня, а каторжане (3-е лаготделение Горлага) - 4 июня, после инцидента у штрафного изолятора и расстрела заключенных в жилой зоне. Легенда об одновременном начале забастовки, якобы с разницей в несколько часов, не подтверждается, она была выгодна, скорее всего, "усмирителям" для доказательства умысла, заранее спланированного "антисоветского мятежа".

Требования заключенных. Комитеты

По-разному начавшись во всех лаготделениях Горлага, норильское восстание и продолжалось везде неодинаково. В два этапа протекало оно в 4-м, 5-м и 6-м

лаготделениях, начавшись в конце мая и вновь возобновившись после двухнедельного перерыва с 22 - 24 июня. А в каторжном 3-м лаготделении забастовка, не прекращаясь ни на один день, длилась ровно два месяца - с 4 июня по 4 августа. Не было второго этапа забастовки в 1-м лаготделении на Медвежке - она длилась с 1 по 13 июня и не возобновлялась. Менее недели продолжалась забастовка во 2-м лаготделении Горлага - на Кайеркане. По воспоминаниям Б.С.Костинского, здесь "...узнали от вольнонаемных из поселка о забастовке на Медвежке. Дней через 5-6 и мы не вышли на работу. Был избран комитет, но почему-то не додумались до создания самоохраны. Просто не выходили на работу. Когда солдаты с двух сторон разрезали проволоку и вошли в лагерь, мы даже не успели толком понять, что произошло. Случилось это примерно на пятый день забастовки... буквально за два часа собрали наших активистов и человек 50 с вещами куда-то увезли. Потом оказалось, что их отправили на Колыму..."

В остальных пяти лаготделениях Горлага логика развития событий тоже подсказала в самом начале решение - создать руководящие центры забастовки. Чаще всего они назывались комитетами, а на Медвежке - представительством, поскольку в него входили представители от барачков, бригад, национальных групп. Первые комитеты были созданы уже в ночь с 25 на 26 мая - в оцеплении Горстроя, где осталась на объекте часть лагерников, и в 4-м лаготделении. До конца мая определились руководители комитетов и их состав в 5-м мужском и 6-м женском лаготделениях. На третий-четвертый день забастовки появились комитеты в 1-м и 3-м лаготделениях, то есть 4 и 8 июня.

Одинаковая черта всех избранных комитетов - их многонациональность. Благодаря этому можно было полнее учитывать интересы всех национальных групп и землячеств при выработке требований заключенных. Это стало первой задачей комитета.

Поскольку местное начальство к этому времени полностью скомпрометировало себя в глазах заключенных, лагерники требовали приезда московской правительственной комиссии. В том, что комиссия из Москвы прилетит, сомнений не было, общей была решимость на работу не выходить до приезда комиссии.

Ко времени ее прибытия нужно было выработать и четко сформулировать свои требования, чтобы сразу дать ответ комиссии на вопрос: "Чего хотят заключенные?" Но уже на первом этапе возникли разногласия: имеют ли право заключенные требовать или только просить? Воспитанные системой многолетнего террора, привыкшие к полному бесправию, старые лагерники осторожно советовали просить. Но задор первых дней забастовки одержал верх, главенствующим по началу было настроение "западников" - жителей Прибалтийских республик, западных областей Украины и Белоруссии, не знавших Советской власти с 1917 года и потому морально и физически не сломленных, несущих в себе и чувство человеческого достоинства, и христианскую веру, и демократическую убежденность: требовать имеет право любой человек. Потому первые лозунги, плакаты, обращения к властям имели именно форму требований, они жестче, непримиримее, чем последующие, когда верх возьмут осторожность и стремление действовать исключительно в рамках советской законности.

В женском 6-м лаготделении Горлага забастовка началась под лозунгом: "Свободу - народам и Человеку!"

В 3-м лаготделении Горлага после расстрела 4 июня (он произошел в 18 часов 45 минут) уже к 20 часам у клуба был прибит большой щит, на котором написано: "Москва, правительству. 1) Требуем правительственную комиссию. 2) Требуем сурового наказания виновников расстрела заключенных. 3) Требуем уважения прав человека!"

Но вскоре от первых лозунгов и плакатов, которые чекистами могли быть названы антисоветскими (например, "Долой тюрьмы и лагеря!", "Требуем вернуть нас к нашим семьям!" в 3-м лаготделении Горлага), от черных флагов, вывешенных в знак траура по погибшим товарищам и ставших символом отказа подчиняться местной власти, лагерники перешли к лозунгам и плакатам только советского содержания (например, "Слава Коммунистической партии!", "Да здравствуют мир и дружба всех народов" и т.д. в 1-м лаготделении).

Черные флаги заменены красными с черным крепом (например, в 3-м лаготделении, как сообщил Бенюс Балайка: "Флаг был сшит из шести простыней - четырех красных и двух черных. Поднятый над двухэтажным баракком на девятиметровую высоту, флаг был виден всему Норильску. Флаг этот я сам поднимал"). Чтобы дискредитировать забастовку заключенных в глазах вольнонаемного населения Норильска и солдат МВД, чекистами был пущен слух, что черно-красные флаги являются якобы опознавательными знаками для иностранных самолетов, прилета которых будто бы ожидают заключенные в зонах.

Решение о замене лозунгов и флагов принималось комитетами, ими же вырабатывались требования лагерников. Несмотря на споры (просить или требовать), смену заголовков и частичное редактирование первоначальных текстов требований ("Почему мы бастуем" в 1-м лаготделении, "Жалоба Советскому правительству" в 3-м лаготделении), они остались в памяти участников норильского восстания и в истории его именно как требования. В каждом лаготделении они состояли из 12-18 пунктов.

До сих пор некоторые считают, что требования заключенных носили, в основном, экономический характер, поскольку включали такие пункты, как уменьшение длительности рабочего дня (с 10-12 часов до 7-8 часов), выплата заработанных денег (половину на лицевой счет, половину на руки), применение зачетов, улучшение бытовых условий, медицинского обслуживания и культурно-воспитательной работы. Да, такие пункты включались в общий перечень требований, но главной роли не играли ни по удельному весу, ни по своему значению. Главные требования заключенных были не экономическими, а политическими. Общими для всех лаготделений стали такие пункты: пересмотреть дела политзаключенных, наказать виновников произвола - работников МВД-МГБ, отменить ношение номеров на одежде, снять с окон баракков решетки и с дверей замки, превращающие жилье в тюремную камеру, не ограничивать переписку с родными двумя письмами в год, а разрешить писать по желанию - кто сколько хочет, отправить на "материк" инвалидов, больных, женщин и стариков, вывезти на родину иностранцев, отменить бесчеловечные наказания (кандалы, "ледяной карцер") и "собачье вождение", гарантировать безопасность делегатам лагерников, ведущим переговоры с комиссиями МВД.

Кроме того, в 4-м лаготделении прозвучали требования сменить руководство Горлага, прекратить расстрелы и прочий произвол в лагерях и тюрьмах, отменить решения ОСО

как неконституционного органа, прекратить избиения и пытки на следствии и практику закрытых судебных процессов, организовать пересмотр особых дел всех политзаключенных. В оцеплении Горстроя, где оставалась часть лагерников того же 4-го лаготделения, требовали освободить из лагерей и реабилитировать заключенных, являвшихся участниками или жертвами Великой Отечественной войны, отменить 25-летние сроки заключения, освободить осужденных за происхождение (дворян, детей кулаков и т.п.), а также всех тех, кто до 1939 года не имел советского подданства, осужденных за намерения, по подозрению, а не за действия и т.п. В 5-м лаготделении предлагали разрешить лагерникам свободный доступ к женщинам соседней зоны, право пользоваться книгами из городской библиотеки. В 1-м лаготделении добивались "ликвидации Особого Совещания как вопиющего беззакония" заключенные, оставшиеся в производственной зоне рудника "Медвежий ручей", а председатель комитета (представительства) заключенных в жилой зоне П.А.Френкель настаивал на том, чтобы превратить Норильск в поселение колониального типа, отодвинув километров на двадцать вышки, убрав проволоку и освободив заключенных для свободного проживания в пределах Норильска.

Как видим, единых требований в Горном лагере, общих для всех заключенных, не было, так как не существовало предварительной договоренности между зонами, и это - еще одно доказательство стихийного начала забастовки.

В окончательной редакции, после обсуждения на общих собраниях, сбора подписей лагерников по баракам и бригадам, после многократного переписывания в комитетах часть политических требований была снята или заменена более умеренными (например, в 1-м лаготделении требование ликвидировать Особое Совещание как вопиющее беззаконие заменено предложением превратить Норильск в колониальное поселение и т.п.). Как это ни парадоксально, комитеты сыграли не революционизирующую роль в выдвижении требований и претензий заключенных, а скорее наоборот - сдерживающую. Они стремились найти "золотую середину" между настроениями экстремистов, готовых к прорыву зоны чуть ли не голыми руками, и умеренной осторожностью едва пробудившейся от "спячки" общей массы. Очевидно, что комитетам удалось уловить этот настрой - с помощью смены лозунгов, флагов, требований. Это подтверждается тем, что основная масса лагерников не вышла из зон, когда каждому было предоставлено право самостоятельно обдумать происходящее и сделать выбор - уйти или остаться; во всех лаготделениях отказались от участия в забастовке по разным оценкам от одного до двадцати процентов заключенных, подавляющее же большинство осталось с комитетами в бастующих зонах.

Когда же во всех зонах лагадминистрация и надзорсостав вышли за вахту, оставив лаготделения на их собственном попечении, комитеты стали органами законодательными и исполнительными, охраняющими и карательными. Наличие этих проблем определило структуру комитетов. Как правило во всех лаготделениях члены комитета делили обязанности так: были избраны ответственные за информацию, агитацию и пропаганду, ответственные за работу кухни, бани, прачечной, ремонт бараков, уборку территории и прочие хозяйственные дела, ответственные за работу медчасти, ответственные за культурно-воспитательную работу (чаще всего ее продолжали вести ранее назначенные культурными заключенными; в дни забастовки в лагерных клубах шли репетиции кружков,

спевки хора, работали библиотеки, ставились концерты, организовывались спортивные соревнования; были даже спектакли, например, с большим успехом шесть раз подряд прошел "Назар Стодоля" Тараса Шевченко в 4-м лаготделении).

В 1-м, 3-м, 4-м, 5-м и 6-м лаготделениях были также созданы отделы самообороны лагеря - охрана из заключенных, посменно несущих караульную службу для предотвращения пожаров и прочих бедствий, а также для предупреждения провокаций со стороны лагадминистрации и оперативно-чекистских отделов (например, в 1-м лаготделении был предотвращен пожар больницы, взрыв трансформатора и рельсов железной дороги; там же в туманную ночь 6 июня была прорезана проволока и один из офицеров пытался зайти в зону необычным образом - задом наперед, оставляя следы на свежеснеженном снегу таким образом, чтобы создать видимость чьего-либо побега из зоны. Эти провокации и многие другие предотвращены добровольной охраной лагеря).

Можно говорить о таком парадоксальном явлении, необходимом в тех условиях, как охрана заключенными начальников лаготделений и прочих представителей лагадминистрации: при обходе зоны любые лица из ведомства МВД обязательно сопровождались караулом из заключенных. Интересно, что даже лозунг соответствующего содержания появился, скажем, в 3-м лаготделении: "Товарищи! Будьте вежливы в обращении с лагадминистрацией и солдатами!".

Особенно четко была поставлена охрана порядка в 1-м лаготделении и каторжанском 3-м лаготделении: лагерь был разбит на четыре участка, назначены (более 80 человек) старшие секций, барачников, участков, указаны места круглосуточных постов и патрулей. Замечательной дисциплине в этих добровольных формированиях, организованных по типу воинских батальонов и рот, позавидовала даже комиссия МВД, прибывшая в лагерь.

Патрули и наблюдатели ничем не вооружались. Правда, в зонах всегда под рукой были кирпичи, ими обкладывались края дорожек. Лагерники опасались, и не без основания, что забастовка может быть подавлена с помощью переброски в зону колонны уголовников, вооруженных ножами и палками. На этот случай кирпичи стоило иметь под рукой, их разрешил даже комитет 3-го лаготделения, особенно заботившийся о том, чтобы избежать любых конфликтов, провокаций, беспорядков, чтобы не дать возможности лагадминистрации тут же ввести в зону войска. Но кирпич, заготовленный против ввода бандитов, в 3-м лаготделении не понадобился вообще. Функции патрулей (в 3-м лаготделении их называли самоохраной, в 1-м лаготделении отрядами самообороны и т.д.) сводились к круглосуточному наблюдению за подступами к лагерю, чтобы в случае опасности поднять тревогу, и ночному патрулированию внутри зоны. Они заботились о поддержании порядка, не давали распоясаться ворами и бандитам, оставшимся в зонах, выпущенным из изоляторов (некоторых в 3-м лаготделении даже запирали и охраняли от возможной мести лагерников, у которых раньше ворье отбирало или крало вещи и продукты).

Заключенные занимались ремонтом барачников, уборкой территории, ежедневно передавали справки, сводки для лагадминистрации, непрерывно работали сапожная и ремонтно-пошивочная мастерские, баня, проводилась плановая санобработка барачников, других строений и помещений, функционировали амбулатория, больница, обслуживались

прикованные к постели хронические больные и инвалиды, регулярно работал пищеблок. После истечения 40 дней со дня гибели 7 заключенных, расстрелянных у ШИЗО 4 июня, в клубе устраивались концерты силами художественной самодеятельности, словом, шла нормальная мирная жизнь. (В этом не было бы ничего удивительного, если только не знать, что в зоне с первого дня забастовки была отключена электроэнергия, паек заключенным вдвое сокращен, то есть люди по сути голодали, а охрана запретила вход в лагерь вольнонаемному медперсоналу).

Все это дает право говорить о "республике заключенных", как назвал ее один из участников норильского восстания Л.А.Пожарский, бывший заключенный Горлага, из карагандинского этапа. В своих воспоминаниях он также рассказывал о демократическом порядке и сознательной дисциплине во время забастовки .

Создавая отряды самообороны, наводя порядок в зонах, комитеты не могли не предвидеть возможных экстремистских выходов со стороны наиболее непримиримо, чересчур революционно настроенных заключенных. Например, в 4-м лаготделении бывший до ареста офицером Иван Стригин и литовец ВитасПетрушайтис агитировали за прорыв зоны бульдозером. Горячие головы, предлагавшие начать "освобождение всего Норильска" с помощью вооруженного восстания, нашлись и в 1-м лаготделении. А в 3-м лаготделении сложилась непростая ситуация внутри комитета: председатель Борис Шамаев всеми средствами вел агитацию за протест в рамках советских законов, за мирное ожидание правительственной комиссии, а его заместитель Иван Воробьев (бывший участник Отечественной войны, танкист, Герой Советского Союза, прибыл в Норильск с карагандинским этапом, во время инцидента в ШИЗО 4 июня ранен в голову, после выхода из больницы вошел в состав комитета) тайком организовал в подвале барака кузницу, где уголовники изготавливали из бывших оконных решеток пики и ножи. Комитет закрыл и опечатал кузницу, но Воробьев с другими заключенными оборудовал с той же целью подвал в другом бараке. Уже после подавления восстания изготовленные ими две сотни пик и 6 ружей из опечатанной кузницы стали "вещественным доказательством" якобы "упорного двухчасового сопротивления заключенных" автоматчикам. (Впоследствии на суде, разумеется, не было учтено, что И.Е.Воробьева за этот поступок исключили из состава комитета."Вещественные доказательства" усугубили вину не только Воробьева и Игнатьева, но и остальных членов комитета.)

Всеми силами стремились комитеты к сохранению единства заключенных, поддержанию спокойного настроения, уверенности, оптимизма в массах. Пожалуй, это и было главным - помочь людям преодолеть в душе страх, угнетенность от непривычной свободы в окруженной пулеметами зоне и тревожное ожидание неминуемой расплаты. Очень большую роль в этом сыграли агитационно-пропагандистские отделы. Это они разъясняли по баракам решения комитета и общих собраний, готовили концерты и проводили спортивные соревнования, переписывали требования заключенных, оформляли лагерь лозунгами и плакатами, выпускали листовки . Листовки - обращения к норильчанам, к солдатам войск МВД - выпускались по разным поводам, содержание их всегда было кратким и емким. Например, 27 июня выпущена первая листовка каторжан: "Нас расстреливают и морят голодом. Мы добиваемся правительственной комиссии. Просим советских граждан сообщить правительству о произволе над заключенными в Норильске. Каторжане Горлага". В обвинительном заключении следователь Ушацкий и затем судья

Кокшаров в приговоре Красноярского краевого суда даже сетовали на то, что листовок заключенными было выпущено несколько тысяч, "в результате чего Норильск был наводнен листовками...".

Из истории норильского восстания известно, что московская комиссия и управление Горного лагеря от уговоров довольно быстро перешли к угрозам, рассчитывая запугать узников, заставить их смириться с положением рабов. Участились провокации в зонах, и это говорило о том, что поднимают голову оставшиеся в лаготделениях стукачи и прочие пособники лагадминистрации. Для борьбы с ними комитеты вынуждены были организовать отделы расследований, специальные комиссии, свою контрразведку - по-разному она называлась, но занималась, по сути дела, одним и тем же: поиском провокаторов, расследованием их черной деятельности, списков стукачей. В 1-м лаготделении отдел расследований был создан 4 июня, сразу после поджога стационара с больными. Устав от провокаций стукачей, которые попытались организовать резню между чеченцами и кубанскими казаками, а затем между украинцами и поляками, в 4-м лаготделении приняли решение создать специальную комиссию и вскрыть сейфы оперативного отдела в поисках списков стукачей. Как сообщает в своих воспоминаниях Г.С.Климович, специальная комиссия была создана 1 июня, она вскрыла сейфы оперотдела и была поражена результатами: в списках оказалось 620 человек - каждый пятый лагерник был завербован. Конечно, большинство не столько "работало", сколько числилось и даром ело хлеб оперчекотдела, стремясь не причинять вреда товарищам доносами. Но трое оказались настоящими сексотами, их следовало изолировать. Комитет решил вызвать стукачей на общее собрание заключенных и там решать судьбу каждого. Трех вывели за зону, остальные написали покаянные письма, объясняя, почему они стали стукачами (эти письма потом были переданы московской комиссии).

По сравнению с чекистскими методами методы работы комиссий и отделов расследования, созданных заключенными, поражают гуманностью, бережным отношением к человеку. Допросы стукачей - разумеется, без побоев, содержание в изоляторе (даже тех, чья вина перед товарищами вполне очевидна и велика) - не более суток, а затем - либо просьба оставить зону и выйти за вахту, или, в случае, если заключенный решил остаться в зоне, охрана его от возможной мести обиженных. Практически во всех лаготделениях общие собрания, обсуждавшие проступки стукачей, вынесли решения: "Старые грехи всем прощаются, новые - не простятся". При этом возможность наказания была у всех, и право - тоже, и доказательства чужой вины - налицо. Но не был никто даже избит, хотя чекисты усиленно стремились распространять слухи о "зверствах" заключенных.

Комитеты, стремившиеся предотвратить массовые расстрелы заключенных, не везде смогли этого добиться. Если в 1-м и 4-м лаготделениях заключенные, выполняя последний приказ комитетов, вышли из жилых зон и расстрел не состоялся, если против женщин 6-го лаготделения оружие применить не посмели, а пустили в зону пожарные машины с брандсбойтами, то в 5-м и 3-м лаготделениях кровопролития избежать не удалось. Жертвы были велики. В ночь с 3 на 4 августа, в 23 часа 45 минут, последний флаг восстания упал. Началось следствие по делу "об антисоветском вооруженном восстании, организованном извне", которое вели сотрудники Красноярского управления КГБ.

27 августа большой этап активных участников норильского восстания из Дудинки был отправлен в Красноярск. Арестованные члены комитетов, активисты попали во внутреннюю тюрьму МВД в Красноярске. Остальные были вывезены в различные лагеря: в Магаданскую область, Кенгир (Джезказган), Мордовию, в тюрьмы Иркутска, Владимира, Кургана.

Расправа. Итоги. Выводы

Для подавления норильского восстания были сосредоточены немалые силы и средства: объединили свои усилия "краснопогонники" и "синепогонники" - охрана исправтрудлагеря и Горного лагеря. Есть сведения, что специально для этой акции были привезены в Норильск доставленные по Енисею два полка краснопогонников, которые заменили местных.

На штурм каторжанского лагеря (3-е лаготделение) были мобилизованы также гражданские лица - коммунисты и комсомольцы Норильска, руководители предприятий и цехов. По воспоминаниям С.Г.Головки, они шли вслед за двумя цепочками солдат третьей цепочкой. По свидетельству бывшего цензора 6-го лаготделения Горлага И.И.Киселева, к участию в подавлении восстания заключенных приглашали всех работников управления лагерей, но участвовали в акции только по желанию.

Методы расправы с бастующими были относительно однообразны: вначале уговоры и призывы выходить из лагеря, обращенные к малосрочникам и ко всем желающим, обещания частично ослабить режим, затем угрозы и использование военной силы и техники. Для того чтобы принудить к послушанию не вышедших из зоны заключенных, в нескольких местах прорезалась проволока, через эти прорезы въезжали на машинах или входили автоматчики, делившие лагерь на сектора и занимавшие один за другим бараки, где прятались лагерники. Тут же заключенных выгоняли за зону - по приказу "бегом, руки за голову"; в некоторых лаготделениях приказано было через "коридор" вооруженных автоматами солдат ползти к вахте на коленях. Широко использовались услуги уголовников при подавлении восстания. Избиения продолжались в изоляторах, куда отправили наиболее активную часть лагерников, особенно жестокие - в центральном ШИЗО Горлага.

Жертвы среди заключенных еще уточняются, их почти невозможно подсчитать. На сегодня известны цифры официального акта, составленного в 3-м лаготделении после "усмирения": убито 57 и ранено 98 человек, а также цифры потерь, подсчитанных при инвентаризации 5-го лаготделения: убито 58, ранено 128 человек. Необходимо присоединить к этим цифрам жертвы, появившиеся в мае-июне - застреленных солдатами накануне забастовки. Это один убитый и один раненый в 1-м лаготделении, неизвестное количество жертв во 2-м лаготделении, в 3-м лаготделении - шесть убитых и умерших от ран (плюс умерший от перитонита Андреюк) и пятнадцать раненых, один убитый в 4-м лаготделении, до десятка жертв - в 5-м лаготделении и одна убитая в 6-м лаготделении женщина. В кладбищенской книге, где обычно поименно записываются все похороненные, есть строка, относящаяся в 1953 году, о захороненных в общей могиле 150 безымянных мертвецах. Как сообщила К.И.Колесникова, работавшая в 1953 году на

кладбище под Шмидтихой, жертвы восстания похоронены там, где находится часовня и воздвигнутый в 1990 г. "Мемориалом" крест.

Первые результаты норильского восстания заключенные ощутили еще в 1953 году. Они выразились в смягчении режима, возвращении им прав, отобранных в Горном лагере. Затем в 1954 году был ликвидирован и сам Горный лагерь, в Норильск приехала из Москвы комиссия по пересмотру дел политзаключенных, а после ее отъезда на месте создан ликвидком Норильского ИТП. Если в 1953-1954 гг. освобождение коснулось лишь самых "крупных величин" (известных ученых, партийных и комсомольских функционеров, крупных хозяйственников), то в 1955-1956 гг. освобождение пришло к абсолютному большинству бывших узников Горлага. А в годы после XX съезда КПСС процесс этот был завершен, Норильский комбинат перешел на вольнонаемную рабочую силу.

Это и был главный результат норильского восстания, подорвавшего непоколебимый до того фундамент лагерной системы. Не стало рабского труда многих тысяч заключенных, за счет которого процветала, создавая новостройки за новостройками, Страна Советов.

Если экономические требования заключенных были выполнены сразу, то политические - лишь со временем, да и то частично (полгода спустя было ликвидировано Особое Совещание, начался пересмотр дел политзаключенных, собраны для отправки за границу иностранцы, вывезены инвалиды и т.д.). Некоторые пункты, как, например, требование писать о жизни заключенных в прессе, снять паспортные ограничения и поражения прав освободившимся из лагеря политзаключенным, предоставлять более широкие права, равные с остальными гражданами страны, семьям заключенных и другие, стали осуществляться лишь в 80-90-е годы; а некоторые в полной мере так и не были выполнены (например, требование наказать бывших работников НКВД-МВД-МГБ за совершенные преступления, судить их всенародно). Демократические программы преобразования советского общества, в том числе его пенитенциарной системы, заложенная в требованиях заключенных Горлага, опередила свое время. Смелость ее поразительна, ведь комитеты при написании требований имели перед собой очень сложную задачу: они должны были и соответствовать принципам социалистической революции, и, не осуждая основных устоев тоталитарного режима, выражать волю и решимость масс - при этом тоже в рамках советской законности.

Норильское восстание доказало, что даже в самых тяжелых условиях угнетения можно бороться с тоталитарным режимом, причем не методами террора, противными человеческой природе и законам демократического общества, а легальными методами коллективного ненасильственного протеста. Для этого идеи восстания должны были поддержать массы, отбросившие многолетний страх перед системой. Тут куда нужнее было не оружие, а слово пропагандистов и агитаторов, обращение к широкой общественности. Как известно, именно неустанное разъяснение целей норильского восстания с помощью листовок, писем, обращений обеспечило ему поддержку, пусть ненадолго, некоторых лаготделений ИТП (бастовали в 9-м лаготделении, в 20-м и в других), сочувствие части вольнонаемного населения (в результате часть документов все же была передана в Москву, а информация о норильском восстании появилась в зарубежной прессе и прозвучала в передачах "Голоса Америки").

Значение норильского восстания, возможно, полностью еще не оценено. Это был первый после смерти Сталина протест заключенных против созданной им системы подавления личности. Это был массовый протест: в восстании приняло участие около 30 тысяч человек. Такого масштаба лагерная система прежде не знала. С этим уже нельзя было не считаться. Но можно сказать больше: с Норильского восстания началось раскрепощение страны, пусть еще и сегодня не завершенное. Будем же помнить о тех, положил начало этому обновлению 40 лет назад лагерными восстаниями.